

НОСИТЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В МИРОВОСПРИЯТИИ РУССКИХ

Екатерина Н. Киселева¹

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь, Россия*

Key words: emotional subject, predicate, emotional state, syntactic structure, Russian world view.

Summary: The article is concerned with the emotional subject representations in syntactic structures. The emotional subject is represented in different structures. This means that the emotional sphere is very important for the Russian consciousness. Having analyzed the emotional subject representations it is possible to say that in general the emotional subject is more often represented by the oblique (dative, genitive, object, prepositional) cases than the nominative one. The syntactic structures are interpreted in the national world view aspect in order to understand differences between structures and their semantics better.

Ключевые слова: носитель эмоционального состояния; предикат; эмоциональное состояние; синтаксическая структура предложения; национальное мировосприятие.

Аннотация: Статья посвящена исследованию способов выражения носителя эмоционального состояния в синтаксической структуре предложения. Носитель эмоционального состояния репрезентируется в разнообразных синтаксических структурах и имеет различные падежные формы выражения. Проведенное исследование показывает, что носитель эмоционального состояния чаще выражается формой косвенных падежей (дательного, родительного, винительного, предложного), чем именительного. Синтаксические структуры интерпретируются в контексте национального мировосприятия, что дает возможность более детально объяснить их семантические сходства и различия.

Эмоциональность является одной из неотъемлемых черт русского национального характера (А. Вежбицкая; А. Мельникова; С.Г. Тер-Минасова и др.). Ученые Гарвардского университета, занимающиеся исследованием менталитета русских, полагают, что русские являются

---

¹ © Киселева, Е.Н., 2013.

людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», им свойственна «легкость в выражении чувств», «импульсивность» (Bauer and others, 1956). А. Вежицкая говорит об эмоциональности как об одном из основных компонентов русского самосознания, понимая при этом под эмоциональностью «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении» (Вежицкая, 2011: 331). Известно, что существует тесная связь между мировосприятием народа и его языком. Эмоциональность русских находит отражение в речи, которой свойственно «богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» (Там же: 331–332).

В данной статье мы остановимся на выявлении структурных схем, с помощью которых реализуется семантика носителя эмоционального состояния, и попытаемся проинтерпретировать их в контексте национального мировосприятия. Изучение синтаксических структур именно в этом аспекте позволяет глубже понять их смысловые сходства и различия.

Структурная схема – отвлеченный образец, который «отображает определенный тип ситуации, отношений между предметами, их признаками и действиями» (Гак, 2004: 562). Структурные схемы являются количественно ограниченными, социально и исторически отработанными образованиями, включающими в себя характерную для каждого языка последовательность словоформ (Почепцов, 1981: 185). Структурная схема лежит в основе построения предложения, грамматический остов которого составляют носитель предикативного признака и предикат. Носитель предикативного признака – это «подлежащее и другие синтаксические единицы, выполняющие функцию предизируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантический субъект (...), выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак» (Бондарко, 2002: 647). Предикат входит в то или иное лексико-семантическое поле деятельности / состояния лица / предмета. Значение предиката предопределяет семантику носителя предикативного признака. Соответственно, носитель эмоционального состояния (НЭС) рассматривается как одна из семантических разновидностей носителя предикативного признака: (1) *Мне грустно* (Т.ВМ); (2) *Я за тебя спокоен* (Д.).

Структура предложения с НЭС, как правило, включает в себя три компонента: НЭС, предикативный признак и объект / причину, вызывающую то или иное эмоциональное состояние субъекта. Причина представлена либо в составе самого предложения: (3) *Ему было неприятно, что его при посторонних выставляют в таком*

невыгодном свете (Г.), либо в контексте: (4) ...чуть ли не всю сознательную жизнь, они [братья] соперничали из-за Тани, чтобы вот так сразу объявить о своей ослепительной победе, означающей безусловное поражение другого. Ему даже было больно за брата, почти как за самого себя (У.КК).

Выявление способов реализации НЭС осуществляется на основе функционально-ономасиологического подхода, который позволяет установить спектр языковых форм, свойственных определенному значению.

Прототипическим способом представления носителя предикативного признака в русском языке является форма именительного падежа, т.е. подлежащее (С. Neidle; И.Ш. Козинский; Я.Г. Тестелец; А.В. Бондарко). Однако анализ способов выражения НЭС, который был проведен на 430 языковых единицах, полученных в ходе сплошной выборки из художественных и публицистических текстов XX–XXI веков, показал, что наиболее распространенным способом выражения НЭС является форма не именительного падежа, а косвенных падежей. Способы репрезентации НЭС можно представить в таблице, располагая при этом падежные формы в соответствии с частотой их реализации в языковом материале (табл.1).

Таблица 1

Носитель эмоционального состояния и способы его реализации

Падеж	Дат.	Им.	Род.	Вин.	уРод.+им./ предл.	Предл.
количество %	42	30	9	8	7	4

Как видно из таблицы, наибольшее количество репрезентаций имеет форма дательного падежа, затем именительного, родительного, сочетание словоформ в родительном и именительном / предложном падежах и форма предложного падежа. Для интерпретации этой языковой особенности можно использовать этносинтаксическую концепцию А. Вежбицкой.

По мнению исследователя, существуют две жизненные ориентации – агентивная и пассивно-экспериментальная. Агентивная ориентация связана с представлением всех происходящих событий как подвластных человеку, что проявляется в синтаксической структуре языков оформлением носителя предикативного признака именительным падежом. Пассивно-экспериментальная ориентация тяготеет к представлению случающихся событий независимо от воли человека, что

выражается в структуре предложения формой косвенного падежа носителя предикативного признака. В русском языке обе ориентации играют одинаково важную роль (Вежбицкая, 2011: 342). Согласно данной концепции преобладание форм косвенных падежей свидетельствует о том, что русские часто осмысливают эмоции как контролируемые, протекающие независимо от их воли.

Так, в регулярно используемой модели $N3V_{\text{быть}}Adv_o(prN2)^2$: (5) *И всем было весело* (Т.ВМ); (6)...и *ей* было от этого забавно и весело (У.КК) субъект предстает как охваченный чувством, что создается с помощью предикативного наречия и формы дательного падежа НЭС, имеющей адресативное значение. При этом возникновение эмоционального состояния у субъекта может быть неожиданным и беспричинным. Такое значение передается фазисным глаголом, указывающим на возникновение состояния, а также наречиями, в том числе и местоименными, обозначающими внезапность и необъяснимость состояния: (7) *Мне вдруг стало тошно. Что произошло? Все кругом не для печати* (Д.); (8) *Ей стало что-то смешно* (Т.МиН); (9) *Люсе почему-то стало неловко* (Т.ВМ).

Субъект может концептуализироваться как находящийся под воздействием внутренних стихийных сил, что репрезентируется структурой, имеющей в своем составе НЭС в форме винительного падежа и безличный глагол $N4V_{\text{impers}}prN4/5$: (10) *Я знаю только одно: сейчас, когда мне за пятьдесят, тебя потянуло на молоденькую... обыкновенная история* (И. Безладнова. Дина // «Звезда», 2003, НКРЯ); (11) *Видимо, поэтому её так сильно и потянуло к ней тогда, в кафе* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом», 2009, НКРЯ). Возникновение значения стихийности у безличных глаголов с семантикой эмоционального состояния уходит корнями глубоко в прошлое. Согласно древнему мышлению все физические и психические изменения обуславливались действием мифических существ, которые не назывались либо в силу неизвестности, либо в силу боязни (Потебня, 1968: 320, 322). С течением времени связь действия с его производителем ослабляется, основной смысловой акцент делается на лице, который находится под влиянием этого действия. Устранение мифического деятеля и потеря

---

² N1, 2, 3, 4, 5, 6 – имя существительное и местоимение-существительное в именительном, родительном, дательном, винительном, творительном и предложном падежах; Vf, Vimpers, Vrefl, Vбыть – глагол в личной, в безличной, в возвратной форме, глагол *быть*; Adj – имя прилагательное и местоимение-прилагательное; Adv_o – предикативное наречие на -о; PartII – страдательное причастие; pr – предлог.

его связи с действием / признаком повлекло за собой тот факт, что в русском языке безличный глагол приобрел значение стихийности проявления признака, т.е. осмысления процесса как происходящего само собой, независимо от воли его носителя.

Эмоции субъекта могут репрезентироваться как пассивно протекающие, что наблюдается в структуре с НЭС, выраженным локативной формой родительного падежа с предлогом *у*, $yN2V_{\text{быть}}(\text{Adj})N1$: (12) У меня деловое настроение (Т.ВМ); в этой структуры НЭС может выступать вместе с фазисным глаголом начала состояния: (13) У нее началась депрессия (Т.МиН). Представление НЭС указанной локативной формой является одной из характерных черт русского языка (в отличие, например, от романо-германских языков, в которых носитель предикативного признака в принципе не локализуется). По мнению Н.Д. Арутюновой, это обусловлено спецификой концептуализации мира, проявляющейся в доминировании пространственной ориентации над временной (Арутюнова, 2012: 12). Личность при этом предстает как обладатель и как сфера бытия, в которой сосредоточено определенное состояние.

Подобное восприятие личности наблюдается при реализации НЭС комплексным или расчлененным субъектом (языковое явление, под которым понимается представление одного семантического субъекта двумя лексемами в поверхностной структуре предложения), который включает в себя словоформу в родительном падеже с предлогом *у*, обозначающую лицо, а также словоформу в предложном или именительном падеже, представляющую собой одну из неотъемлемых частей этого лица – сердце, душу, т.е. те сферы, в которых в соответствии с народным представлением сосредоточены эмоции. Комплексный субъект имеет значение обладателя и локализатора эмоционального состояния, при этом эмоциональное состояние может протекать пассивно $yN2(\text{pr}N6)V_{\text{быть}}N1$: (14) ...а у Лидии на душе такая была смута (У.ПП), активно, при этом осмысляться неопределенным, непонятым $yN2(N1)V_f$: (15) У Татьяны что-то царпануло внутри (Т.ВМ); $yN2(N1)V_{\text{reflpr}N2}$: (16) У меня внутри что-то перевернулось от неожиданности и торжественности (Т.МиН), стихийно $yN2(\text{pr}N6)V_{\text{imperspr}N4}$: (17) Но в душе у нее ныло от смутной горечи и недоумения (У.ПП).

В модели, имеющей носителя предикативного признака в форме предложного падежа и предикат в форме безличного глагола, $\text{pr}N6V_{\text{impers}}$: (18) На душе полегчало (Г.) НЭС осмыслится локализатором стихийно проявляющегося эмоционального состояния.

Наряду с тем, что эмоции в русском языке часто воспринимаются неконтролируемыми и стихийными, они также концептуализируются как активно протекающие и контролируемые субъектом, что наблюдается в глагольных конструкциях с НЭС в именительном падеже **N1VreflN4**: (19) *Кобру или, скажем, ехидну всякий напугается* (А.), **N1Vf**: (20) *Он струсит* (Т.ВМ). Активная глагольная структура предполагает, что причиной появления эмоционального состояния у субъекта является обдумывание некоторой ситуации. Как отмечает Е.М. Вольф, в толкование многих предикатов эмоций входит когнитивная составляющая, так как событие / причину соединяет с субъектом ментальный акт, т.е. осознание ситуации, вызывающей то или иное эмоциональное состояние (Вольф, 1989: 58). Поэтому многие предикаты эмоций, в частности «напугаться», «струсить», отражают связь когнитивной и эмоциональной аспектов жизни человека.

Эмоции в структуре с НЭС в форме именительного падежа могут протекать не только активно, но и пассивно **N1VбытьAdj**: (21) *Я был слишком зол* (НГ); **N1VбытьPartII**: (22) *Когда эту картину выставили напоказ, весь Париж был франпирован* (А.); **N1VбытьprN6**: (23) *Семья в панике* (А.). Однако в отличие от структур **yN2(prN6)VбытьN1**, **yN2Vбыть(Adj)N1**, передающих семантику пассивного протеканий эмоций у субъекта, данные номинативные модели репрезентируют эмоции так, словно человек им предается по собственной воле.

Таким образом, в русском языке НЭС выражается в разнообразных синтаксических структурах, что еще раз подчеркивает значимость эмоциональной сферы в сознании русских. Эмоции чаще всего концептуализируются русскими как неконтролируемые человеком, а не как осознанные и контролируемые, что репрезентируется большим количеством структур, имеющих НЭС в форме косвенного, а не именительного падежа. Структура с НЭС **N3VбытьAdvo(prN2)** свидетельствует об охваченности чувством субъекта, модели **N4VimpersprN4/5**, **yN2(prN6)VimpersprN4**, **prN6Vimpers** репрезентируют стихийное проявление эмоций, структуры **yN2Vбыть(Adj)N1**, **yN2(prN6)VбытьN1** выражают пассивное протекание эмоций, модели **yN2(N1)Vf**, **yN2(N1)VreflprN2** представляют активное проявление эмоций, но осмысленных как неопределенные, непонятные. Эмоции, контролируемые субъектом и активно протекающие, представлены в структурах **N1VreflN4**, **N1Vf**. Эмоции, контролируемые субъектом, но протекающие пассивно, выражены в структурах **N1VбытьAdj**, **N1VбытьPartII**, **N1VбытьprN6**.

Выявление и анализ структур с НЭС в их связи с ментальной составляющей позволяет более детально объяснить специфику

моделей, которая крайне существенна в процессе исследования русского языка.

Литература:

- Арутюнова, Нина Д. 2012. Локальность и локализаторы в русском языке. В: *Человек о языке – язык о человеке*: Сб. ст. памяти ак. Н.Ю. Шведовой. Москва: «Азбуковник». Стр. 12-16.
- Bauer, Raymond, Inkeles, Alex, Kluckhohn, Clyde 1956. *How the Soviet system works*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 308 с.
- Бондарко, Александр В. 2002. *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка*. Москва: Языки славянской культуры. 736 с.
- Вежицкая, Анна. 2011. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур. 568 с.
- Вольф, Елена. М. 1989. Эмоциональные состояния и их представления в языке. В: *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. Москва: Наука. Стр. 55–75.
- Гак, Владимир Г. 2004. *Теоретическая грамматика французского языка*. Москва: Добросвет. 862 с.
- Потебня, Александр А. 1968. *Из записок по русской грамматике в 4 т. Т. 3. Об изменениях значения и заменах существительного*. Москва: Просвещение. 551 с.
- Почепцов, Георгий Г. Синтаксис. 1981. В: Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. *Теоретическая грамматика современного английского языка*. Москва: Высшая школа. Стр.100–280.

Список цитируемых источников и сокращений:

- Акунин, Борис. 2007. Нефритовые четки. Москва: Захаров. 704 с. (А.)
- Геласимов, Андрей. 2008. Степные боги. Москва: ЭКСМО. 384 с. (Г.)
- Довлатов, Сергей. 2010. Чемодан. Санкт-Петербург: Азбука-классика. 160 с. (Д.)
- Токарева, Виктория. 1995. Вместо меня. Москва: Эксмо. 368 с. (Т.ВМ)
- Токарева, Виктория. 1997. Можно и нельзя. Москва: ЭКСМО. 400 с. (Т.МН)
- Улицкая, Людмила. 2008. Первые и последние. Москва: Эксмо. 352 с. (У.ПП)
- Улицкая, Людмила. 2008. Казус Кукоцкого. Москва: Эксмо. 736 с. (У.КК)

Электронные ресурсы:

- Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (НКРЯ) (дата доступа 28.07.2013).